

КОГДА ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ

НОВЕЛЛА

АБД АР-РАХМАН ФАХМИ

Египетский писатель

БЫСТРО вечерело, и узкий переулок в Гизе¹ уже начинал попружаться во мрак, когда я возвращался из университета в свою клетушку на чердаке дома госпожи Умм-Рамадан², у которой я был квартирантом.

Медленно, осторожно, чтобы не прохнувшись, поднимался я по ветхой и шаткой лестнице на второй этаж. Дверь из хозяйской комнаты была открыта настежь. Хозяйка сидела на корточках у порога и кормила своих цыплят.

Да, я забыл вам сказать, что на той же крыше, куда выходила моя комната, госпожа Умм-Рамадан разводила кур и приторговывала яйцами. Это была женщина, которая умела из всего извлечь прибыль. Весь дом был подчинен этому. Ради этой самой прибыли она пускала в оборот все, вплоть до собственности дочери Каримы. За мизерное вознаграждение она позволяла ей «обслуживать» всех волокит в нашем квартале.

Карима была уже не первой свежести: в свои 23 года она успела побывать замужем за курьером министерства сельского хозяйства. Но тот развелся с ней, выгнал через два месяца после женитьбы. Правда, была она нехороша лицом, прыщеватая, с ввалившимися глазами, с оттопыренными наподобие утиного клюва губами. Но эти недостатки искусно пышная грудь и еще более пышные, соблазнительно подрагивающие при каждом шаге бедра.

¹ Гиза — пригород Каира, где расположен Каирский университет.

² Умм-Рамадан означает «мать Рамадана». Так, по имени сына, часто зовут женщин в Египте.

Заметив мое появление, хозяйка вышла ко мне навстречу, держа в каждой руке по свежему яйцу, и сказала:

— Да, не забыть бы сообщить тебе: ведь соседнюю с твоей комнату с сегодняшнего дня занимает новый жилец.

Тут я вспомнил — Рамадан, сын хозяйки, говорил мне на днях, что соседняя комната сдается какому-то студенту с богословского факультета, и спросил:

— А он уже въехал?

— Да, уже живет, парень хороший, набожный такой, в шейхи готовится.

— А как его зовут?

— Арафа.

Поднявшись к себе, на плоскую крышу, я увидел, что из щели под дверью соседней комнаты пробивается свет, и понял, что мой новый сосед дома. Хотел было постучаться к нему, зайти и сразу познакомиться, да передумал: очень я проголодался и устал сегодня, отложу до завтра. Прошел в свою конурку, поужинал и лег спать.

Кругом царила тишина и покой, и я быстро заснул, но вскоре меня внезапно разбудили монотонные звуки, которые неслись из соседней комнаты настойчиво и равномерно:

— Если смешать два газа или... Если смешать два газа или... Если смешать два газа или...

Эти слова повторялись многократно, пока не последовало за ними продолжение:

— ...больше в одном сосуде... ...больше в одном сосуде... ...больше в одном сосуде...

Я понял, что мой новый сосед учит уроки. Меня невольно заинтересовал этот странный метод занятий, и я прислушался внимательнее. Сосед продолжал:

— ...то эти газы не... ...то эти газы не... ...то эти газы не...

Это он произнес семь раз, затем пошел дальше:

— ...вступают в реакцию с... вступают в реакцию с... ...вступают в реакцию с... — Тоже семь раз! Монотонно и протяжно он гудел не переставая; скоро я притерпелся к этому гулу и стал задремывать, как вдруг снова проснулся от истошного крика:

— Ей-богу, я тебя убью!.. Зар-р-режу!

Правда, к этому-то — к перебранке между Рамаданом и его сестрой Каримой — я уже привык: она повторялась каждый вечер.

Рамадан упрекал сестру в том, что она каждую ночь выходила на улицу встречаться с Закарией Агаляти, хотя они с матерью уверяли, будто она выходит подышать свежим воздухом. Эти ссоры постоянно сопровождались выражениями вроде: «Я тебя убью» да «Ты сначала научись говорить по-человечески, мальчишка, сопляк»...

В самом деле, Рамадан был единственным, кого хозяйке не удавалось эксплуатировать. Никакого толку от него не было. Долговязый, тонкий двадцатилетний юноша с довольно милым лицом,

Рамадан был заикой. Днем он чаще всего спал, по вечерам же, бывало, сидел со мной на крыше и толковал о премудрости и щедротах всевышнего, о том, как чудесно создан аллахом наш бренный мир. По ночам он играл в карты в дешевом, тесном кафе на окраине Гизы.

Споры и перебранка наконец затихли, как они затихали каждую ночь после того, как Карима кричала, что Рамадан «ударил ее по щеке»; Рамадан уходил из дому с угрозой, что больше не вернется, а мать начинала успокаивать Кариму, говоря, что Рамадан «глупое дитя».

После того как кончились монотонная долбежка в соседней комнате и перебранка внизу, я заснул глубоким сном. Мне хотелось выспаться как следует, и я не проснулся бы часов до восьми утра, но...

Ни свет ни заря меня разбудил настойчивый стук в дверь. Еще не совсем очнувшись, я крикнул:

— Кто еще там?

Грубый голос ответил мне из-за дверей:

— Это Арафа аль-Миньяви, о брат!³

Я понял, что меня будит мой новый сосед. Что там стряслось? В комнате было еще совсем темно. Я нехотя встал, ощупью направился к двери, но споткнулся в потемках, уронил стул, оказавшийся почему-то посередине комнаты, упал и больно ушибся. Услышав грохот, Арафа закричал за дверьми:

— Проснулся, о брат?

Стараясь подняться на ноги, я ответил ему:

— Да, а что там такое случилось?

— Заря занимается, о брат.

— Ну и что?

— Вставай, совершим вместе утреннюю молитву!

Я не на шутку разозлился.

— Э, брат, напрасно старался, я ведь не собираюсь молиться!..

Сосед мой, казалось, ничуть не был обескуражен — привык, видно, к таким бесцеремонным отказам. Он молча отошел от моей двери и, выбрав удобное местечко на крыше, стал во всю плотку хрипло и монотонно, как старые университетские часы, горланить на всю предрассветную Гизу азан — призыв к утренней молитве:

— Молитва лучше сна... Молитва лучше сна...

Спешите, пока не поздно, на молитву, спешите раскаяться в грехах!⁴

Я же снова лег в постель и погрузился в сладкий сон.

Когда я проснулся, ласковое утреннее солнце уже наполнило всю комнату. Я встал и отправился умываться. Сосед мой уже закрывал свою комнату

на замок. Не спеша, аккуратно спрятав ключ в карман, он толкнул дверь локтем, чтобы проверить, хорошо ли она заперта. Наблюдая за его действиями, я внимательно рассматривал его. Это был человек с непомерно большой головой, с рыхлым породным телом. Смуглый, борода растет подобно сорняку — без всякого ухода, а костюм, кажется, и не ведает, что такое уют. Как старательно зубрил он вчера уроки! Я поздоровался с ним. Он тотчас же громко откликнулся: «О брат Фавзи! Приветствую тебя арабским приветом!» — затем поспешно подошел ко мне с протянутой жирной ладонью и так сильно стиснул мои пальцы, что я не мог заговорить, пока не высвободил руку. Морщась от боли, я сказал ему:

— Слушай, устаз⁵, я привык спать до восхода солнца. Всегда. Всю жизнь. Поэтому прошу тебя следующий раз...

Но он не дал мне договорить, прервал на полуслове и с упреком промолвил:

— А как же с молитвой утренней зари, о брат?!

— Ничего, это я возьму в другое время. Прошу тебя, не буди меня так рано.

Пораженный моим ответом, он сказал:

— Возместишь потом!.. Но ведь ты теряешь право на вознаграждение всевышнего за молитву утренней зари!

Я не стал больше говорить с ним и молча направился к умывальнику.

В этот день я опять вернулся домой после захода солнца. Не успел я вступить на порог, как услышал знакомые голоса из хозяйской комнаты.

— А тебе какое дело, Рамадан? — кричала хозяйка своему сыну.

— Как это — какое мне дело? Ее поведение позорит наш дом! — кричал Рамадан в ответ.

Я был уже на десятой ступеньке, когда услышал голос Каримы:

— Я честнее тебя, клеветник!

Видимо, тут Рамадан не выдержал, сцепился с Каримой: она завопила, призывая мать на помощь, а та выскочила за дверь с громкими причитаниями и воплями.

Привыкший к этим ежедневным сценам, я не стал обращать ни на что внимания и продолжал тихонько подниматься к себе наверх. Но тут на шум из своей комнаты стремглав вылетел мой сосед Арафа и скатился по лестнице так быстро, что чуть было не сшиб хозяйку с ног.

Что там за разговор был потом между ними, не знаю: я запер за собой дверь и прилег отдохнуть. Около десяти часов вечера я проснулся от монотонного голоса Арафы, повторявшего: «С=2, С=2, С=2», — и вскоре опять крепко заснул под его

³ О брат — обращение набожных семинаристов-мусульман друг к другу.

⁴ Слова призыва на молитву, возглашаемого семинариста мечетей.

⁵ Устаз (учитель) — обращение к интеллигентному человеку.

жужжание. Рано утром, еще задолго до восхода солнца, я вновь проснулся от азана Арафы, хрипло твердившего: «Молитва лучше сна! Молитва лучше сна!»

Наутро, после завтрака, я встретился с Арафой у выхода из дому, и мы оба направились в сторону университета. По дороге он стал расспрашивать, что я думаю относительно шашней Каримы с Агальяти.

— Лучше нам держаться подальше от всех этих дел, — ответил я ему кратко.

— Как это можно, о брат! «Кто из вас увидит постыдные дела, должен остановить их своими руками, а если не сможет руками, то речью, советом».

— Но Рамадан-то ведь уже и руками пробовал, да, видеть, не помогает! — говорю я ему. А он мне твердит свое:

— Мне кажется, что, найдись человек, который проповедями и увещаниями направлял бы эту девушку на путь истины, она бросила бы это ремесло.

Мы расстались. Когда я ночью вернулся домой и поднялся вверх по лестнице, до меня из комнаты хозяйки донесся голос Арафы, вещавшего Кариме о житии святого Омара⁶. Я сел за стол и стал готовиться к занятиям. В эту ночь перебранки между Рамаданом и Каримой не было. На следующую ночь Арафа проповедовал ей уже на фактах из жизни святого Османа. И эта ночь прошла спокойно, без перебранки. Но зато не слышно было и монотонной зубрежки за стеной. Только громкие зазывания на молитву утренней зари: «Молитва лучше сна!» — еще продолжали напоминать о существовании моего соседа Арафы.

На третью ночь Арафа уже рассказывал Кариме житие святого имама Алиа. Наутро я слышал, как он кому-то говорит:

— Опоздал я сегодня здорово, не смогу пойти в университет.

Прошла неделя, меня никто не беспокоил по ночам. Арафа перестал готовить уроки, Рамадан и Карима перестали браниться. Даже на заре больше не было слышно хриплого голоса Арафы, призывающего Гизу на молитву. Встречал я его редко и то только на ходу, где-нибудь на лестнице. В доме Умм-Рамадан воцарилась тишина и покой с тех пор, как в нем поселился Арафа.

Но однажды... Я пришел утомленный от городской суеты и университетского шума и решил, как следует отдохнуть. Весь день я проспал и, проснувшись только перед закатом, вышел из комнаты на крышу подышать свежим воздухом. Увидев сидящего там на скамейке Рамадана, я подсел к нему. Начав по обыкновению с премудрости всевышнего, Рамадан вдруг, заикаясь, объявил:

— Ггг-господин, что поселился у нас, чччеловек бббо-богоугодный!

— Кто? Не Арафа ли?

— А как же! Это ссс-святой человек. Он пп-проповедник!

Тут я вспомнил, что Арафа взял на себя роль наставника Каримы, и спросил:

— А как теперь Карима?

— О господин мой Фавзи, она теперь не пп-пропускает мм-молитв.

— Как! Она молится?

— А как же! Однажды я пп-проснулся рано утром и застал ее усердно и гг-громко ммм-молящейся!

Наступила ночь. Рамадан отправился в кафе. Я же ушел к себе в комнату, прилег на кровать и стал раздумывать над тем, с чего бы это Карима вдруг вспылала ревностью к вере. Грязная, грубая тварь, которая не знала ничего, кроме греха и позора... Неужели проповеди Арафы разбредили ей душу, и она стала благочестивой, примерной, чистой женщиной? Каких же трудов и усилий стоило ему перевоспитать ее! Должно быть, потрудился человек, не жалея ни сил, ни времени. Хотя экзамены были на носу, за последние дни что-то не слышно было, чтобы он твердил, как обычно, свои уроки или ни свет ни заря зазывал нерадивых на утренний намаз, который «лучше сна».

Размышляя обо всем этом, я незаметно заснул. Проснулся я только в три часа ночи с боем часов на университетской площади. Так как в этот день я хорошо проспал и днем, больше мне не хотелось валяться. Поэтому, хотя и с некоторой ленцой заспавшегося человека, я встал с постели и стал размышлять о том, как бы мне убить время до утра, не затрудняя свой ум и тело особо трудной работой. В комнате было жарко и душно. Я взял табуретку, вышел на крышу и уселся в уголке. Ну что мне оставалось делать, как не взирать на яркие звезды небесного свода и черные силуэты окрестных домов!

Вот уже слышится вдали голос муэдзина, чуть свет зазывающего правоверных на утреннюю молитву. Я невольно вспомнил Арафу, который теперь настолько занят проповедями и перевоспитанием греховодницы Каримы, что ему некогда даже вставать на молитву утренней зари. Да ведь у него теперь есть более ответственная задача — отвратить от ложного пути эту пропащую девушку.

Но постойте, что я вижу? Вот дверь Арафы тихонько отворяется, оттуда выглядывает чья-то голова, озирается вокруг... Видно, он тоже проснулся, но в темноте не замечает меня, дай-ка окликну...

Вот вслед за головой показалось и тело. Но это не его рыхлые, дородные тела — это тонкое тело, извивающееся, как змея... Это Карима!

Так вот оно что, оказывается, «лучше сна»!

Я подошел к дверям Арафы:

⁶ Омар и Осман — сподвижники пророка Мухаммеда, «жития» которых, как людей благочестивых, богословы читают «в назидание потомству».

— Вставай, о брат, пора на молитву!

Ответа не последовало. Тогда я крикнул громче:

— Молитва лучше сна!

Ответа опять не было. Я зашел в комнату. Арафа трясся от рыданий... Видно, грех переборол его наставления, и, поддавшись соблазну, он оплакивает теперь потерянную честь и веру. Мне стало жаль его. Я зажег свет, подошел к нему, положил руку на плечо.

— Конец всему, брат, я потерял себя, погубил безнадежно!

— Ничего, бывает... Все пройдет, — успокаивал я его.

— Как это «ничего»? Ты, наверное, еще не знаешь!..

— Да нет же, я все знаю... Я видел, как она вот только что выходила от тебя...

— Так и о ней все известно! — пробормотал он в ужасе. Затем уткнулся лицом в подушку и снова зарыдал.

— Да не расстраивайся ты зря, что тут особенного, случается с молодыми людьми... — уговаривал я.

— Но ведь в данном случае я, я — шейх Арафа... Нет, это невозможно! Нельзя мне больше оставаться здесь, я уйду отсюда... Утром же перенесу вещи...

— Подожди немного. Не следует покидать квартиру до конца месяца. Подожди, пока получишь

деньги из дому и подыщешь другую квартиру, — говорю я ему.

— Нет, не могу так больше! Я уйду отсюда, проживу у товарища до первого числа...

Никакие уговоры не могли успокоить его раненое сердце. Я ушел к себе.

Когда в обед я вернулся из университета, комната моего соседа была открыта настежь. Карима занималась уборкой.

— Да ты не утруждай себя, ведь Арафа больше не вернется сюда! — сказал я иронически Кариме и посмотрел на ее прыщавое лицо.

— Это он тебе сказал, что не вернется?

— Да, он.

— И он сказал, что уйдет к товарищу, что первого числа переедет на другую квартиру? Не так ли?

— Именно так, — ответил я удивленно. — Но откуда это известно тебе?

Изогнувшись, как змея, так, что даже груди у нее заплесали, Карима сказала:

— Вот уже две недели каждое утро перед уходом из дому Арафа говорит мне эти самые слова. Она ехидно улыбнулась и продолжала подметать, беззаботно напевая отвратительным голосом: «Тело я, ты — душа моя, без тебя мне нет жизни, мой милый!»

Перевел с арабского
А. Султанов

В ПОИСКАХ ВЕРНОГО ПУТИ

Первый роман молодого африканского писателя Аке Лоба (Берег Слоновой Кости) «Кокумбо — черный студент» — книга о новом поколении африканцев, о пробуждении их национального самосознания, о поисках своего, самостоятельного пути в жизни.

...До двадцати пяти лет Кокумбо живет в родной деревне со своим отцом — старейшиной рода. Смешливый, ловкий и сильный юноша по-детски простодушен и любознателен. Отец решает послать его учиться во Францию. Его пребыванию в Париже, жизни Латинского квартала и посвящена основная часть романа. Среди друзей Кокумбо несколько африканцев, по-разному осваивающих «западную цивилизацию».

Идеалом Кокумбо на первых порах оказывается Дюрандо, красивый, самоуверенный студент, который стал уже «совсем как белый». Это одаренный юноша, который тратит все свои способности не на учебу, а на завоевание благ буржуазной жизни.

Ake Loba. Kocoumbo, l'étudiant noir, Paris, Flammarion, 1961, 250 p.

Другой товарищ Кокумбо — семинарист Му, нервный, слабый, во всем разочаровавшийся, постепенно спивается. Третий — Дюк, также все более опускающийся, становится проходимцем, способным обмануть и украсть. Все они — жертвы растленного влияния западной «цивилизации», которому поддается некоторая часть африканской молодежи.

Сам Кокумбо выделяется своим сильным, твердым характером. Он не хватает звезд с неба, как Дюрандо, у него средние способности, и учение ему дается с трудом. Но он упорно занимается, он ни на минуту не забывает свою деревню, своих соплеменников — забитых, неграмотных крестьян, которым он должен принести свет и знания. Эта цель дает Кокумбо силы для борьбы, он выдерживает там, где другие падают духом. «Зачем мы здесь? Вы знаете, зачем нас послали во Францию?» — постоянно напоминает он студентам-африканцам. Кокумбо приходит к выводу, что жить так, как «живут» его приятели в Латинском квартале, — подло по отношению к родине.

Трудный путь проходит герой Аке Лоба в Париже. Взлеты и падения, целая серия неудач и разочарований, одиночество, постоянная борьба с голодом. Оставшись без средств, Кокумбо поступает на завод и здесь знакомится с коммунистами.

Сближение с новыми товарищами помогает Кокумбо выйти из кризиса, связанного с личной драмой, и постепенно вновь уверовать в свои силы, в счастливое будущее своего народа.

Г. ВАСИЛЬЕВА